

Н. А. МАЙДАН

**ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ**

*К 70-летию
Великой Победы*

Н. А. МАЙДАН

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

НОВОСИБИРСК
2014

ББК 84Р7-49

М141

Майдан Н.А.

М141 Воспоминания участника Великой Отечественной войны / Н.А. Майдан. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. – 64 с.

ISBN 978-5-7782-2573-2

ББК 84Р7-49

ISBN 978-5-7782-2573-2

© Майдан Н.А., 2014

© Новосибирский государственный
технический университет, 2014

Предисловие

Библиотека литературы о Великой Отечественной войне пополнилась воспоминаниями её участника подполковника Николая Аврамовича Майдана.

Родился Н.А. Майдан в 1920 году в Черниговской области на Украине. Накануне войны закончил военное училище. С 1941 по 1945 г. воевал на Западном, Центральном, 1-м Белорусском фронтах. За выполнение боевых заданий награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны II степени и медалями. В годы войны по заданию разведотделов фронтов и Разведуправления Генерального штаба семь раз направлялся в тыл противника для организации и проведения разведывательно-диверсионной работы, координации партизанского движения и подъёма местного населения на борьбу с фашистскими оккупантами.

После окончания войны до 1950 г. Н.А. Майдан проходил военную службу в группе Советских войск в Германии. Уволился из вооружённых сил в 1970 г. Послевоенная жизнь Н.А. Майдана была тесно связана с историей НЭТИ-НГТУ, где он трудился с 1970 по 1980 г.

В музее НГТУ оформлен специальный витраж о военной судьбе Н.А. Майдана, где хранится рукопись воспоминаний ныне покойного ветерана.

В 1964 г. к 20-летию Победы на экраны страны вышел четырехсерийный художественный фильм «Вызываем огонь на себя». Режиссёр и автор сценария фильма Сергей Колосов в основу военного детектива положил реальные факты и события, происходившие в годы войны на оккупированной немцами Брянской области в городке Сеща. Именно в этих событиях в 1942–1943 гг. принимал самое непосредственное участие Н.А. Майдан. Ему лично довелось встречаться с руководителем сещенской интернациональной подпольной группы Аней Морозовой, организовывать и проводить диверсионную работу. В фильме сохранены её реальные имя и фамилия, а её роль блистательно сыграла Людмила Касаткина. В 2011 г. посёлок Сеща удостоен почётного звания Брянской области «Посёлок партизанской славы».

Особая ценность воспоминаний Н.А. Майдана в том, что он не прославляет себя, а пишет, как ему пришлось выполнять тяжёлую работу разведчика в экстремальных условиях военной поры. Это наша история, память, традиции.

Председатель Совета ветеранов НГТУ,
полковник запаса Кулешов С.А.

Часть 1

Заканчивался первый год войны. После поражения под Москвой и провала «молниеносной войны» против СССР положение фашистской Германии ухудшилось.

Готовясь к новому наступлению, враг всё ещё сохранял уверенность в достижении поставленной цели.

Советская Армия, накапливая силы и средства для массового изгнания врага с советской земли, проводила частные наступательные операции – под Ленинградом, на Смоленском направлении, в районе Харькова, в Донбассе и Крыму.

В оккупированных врагом районах СССР советские люди сразу же повели самоотверженную героическую борьбу против немецко-фашистских захватчиков.

Главной особенностью развернувшейся партизанской войны, как и деятельности многочисленных подпольных организаций и групп, была неразрывность борьбы за свободу и независимость Родины.

С каждым днём росло и ширилось народное сопротивление врагу.

Коммунисты и комсомольцы стали ядром первых партизанских отрядов, подпольных и диверсионных групп.

Выполняя Постановление ЦК ВКП (б) от 18 июля 1941 года об организации борьбы в тылу вражеских войск, при штабах фронтов создавались специальные воинские части, которые готовили людей для засылки в тыл противника.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

При штабе Западного фронта была создана в/ч 9903, которая комплектовалась кадровыми военнослужащими и главным образом молодёжью, среди которой было много студентов московских институтов. Так что и начало моей службы в этой системе непосредственно связано с в/ч 9903.

В Москве на Красноказарменной улице на здании МЗИ укреплен мемориальная доска, где указано, что здесь базировалась разведывательно-партизанская часть 9903.

В МЭИ организован музей этой части, а также создан музей в специальной школе № 15 г. Москвы.

За годы войны воспитанниками этой части много совершено славных героических дел.

Имена Константина Заслонова, Зои Космодемьянской, Григория Линькова, Кузьмы Гнедаш, Ивана Чёрного, Лели Коковой, Веры Волошиной – их подвиги и имена известны всем.

Будучи в Москве на Красноказарменной в период между заданиями, мы усиленно учились профессиональному мастерству разведчика-диверсанта. Для этих целей часто выезжали в Измайловский парк и на станцию Сходня.

Лично мне часто поручали проводить занятия с новичками, прибывающими в часть по комсомольским направлениям и рекомендациям.

Много внимания уделяли совершенствованию нашей профессии командир части 9903 майор Спрогис Артур Карлович и комиссар Дронов Никита Дорофеевич, за плечами этих командиров был большой жизненный и армейский опыт.

Артур Карлович – латышский стрелок, уполномоченный ВЧК, выполнял задания Дзержинского, встречался с Лениным, дружил с Мате Залкой, был командиром погранотряда, воевал в Испании. Спрогис не раз переходил линию фронта. Закончил Военную академию им. Фрунзе. Член партии

с 1920 г., имел 25 государственных наград. Полковник Спрогис А.К. скончался в Москве в 1981 г.

Комиссар Дронов Н.Д. – участник трёх революций, питерский рабочий, а позднее профессиональный военный, он прошёл большую школу революционной борьбы. Неоднократно встречался с В.И. Лениным, Я.М. Свердловым, М.В. Фрунзе, В.И. Чапаевым; принимал участие в разгроме Деникина, Колчака, Врангеля. Великую Отечественную войну Никита Дорофеевич закончил командиром полка.

За форсирование реки Одер товарищу Дронову Н.Д. присвоено звание Героя Советского Союза. Последние годы жизни был военным комиссаром Краснодарского края.

Все, кто служил в в/ч 9903, называли себя «спрогисовцами». Высокий авторитет командира части Спрогиса А.К., его умение работать с людьми, тёплые напутственные слова, высказанные перед уходом на задание, создавали обстановку доверия, укрепляли веру в успех нашего дела.

В мае 1942 г. я был назначен командиром спецгруппы для выполнения задания в Смоленской области в районе Кричева, Хиолавичи, Починок. Это четвёртое по счёту моё задание в тыл противника с начала войны.

В группу были зачислены: Копылов Саша (мой заместитель) – самый старший по возрасту (1910 г.), бывший банковский работник, призванный из запаса, ранее уже выполнявший задания; Нечаев Ваня (радист), Демьткин Петя, Авдеев Володя, Прокофьев Юра, Назаров Вася (Вася маленький), Миловидова Лора, Катя Чуб и Володя Сергеев.

Все эти ребята молодые, жизнерадостные, с высоким чувством патриотизма, готовые в любую минуту выполнить самое ответственное и рискованное задание. Все, кроме Копылова и Лоры Миловидовой, новички. Лора до этого была в партизанском отряде Медведева.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

В течение нескольких дней мы тщательно изучали по карте район действия, населённые пункты, короче говоря, всю экономическую справку, а также принимали во внимание поведение противника на оккупированной территории.

Получив экипировку военную и гражданскую, снаряжение: рацию «Север» с восемью комплектами радиопитания, оружие, взрывчатку и все принадлежности к ней, два секретных прибора «Бромит» для бесшумного снятия часовых, мы готовы были к вылету.

В первых числах июня 1942 г. группу доставили на внуковский аэродром и с наступлением темноты мы вылетели на самолёте «Дуглас». С воздуха очень хорошо просматривалась при перелёте линия фронта. По нашему самолёту стреляли из зениток, освещали прожекторами, но всё обошлось благополучно.

К середине ночи мы достигли района выброски. Самолёт начал кружить над районом, снизил высоту, штурман вместе с пилотом изучали местность. По всем данным местность сходилась с той, на которую мы должны были прыгать, но были видны расположенные треугольником горящие костры. Нас это насторожило, так как нас никто не ждал и никаких сигналов не должно было быть.

Нам было уже известно, что немцы, зная, что к партизанам летают самолёты, практиковали давать подобные сигналы, иногда лётчики принимали их за партизанские и выбрасывали груз или людей. Штурман посоветовался со мной: как быть? И мы приняли решение не рисковать, а вернуться домой. Как позже выяснилось — мы поступили правильно.

Несколько дней не было лётной погоды в районе, куда мы должны были лететь. Это время мы использовали для обработки и уяснения задачи. И вот наступил день 15 июня, и мы вылетели вторично.

При перелёте линии фронта попали под сильный обстрел зенитной артиллерии. Разрывами снарядов кидало самолёт из стороны в сторону. Иногда казалось, что нас подбили, так как самолёт проваливался, но благодаря умению пилота маневрировать в данной ситуации, мы вышли из полосы обстрела и лучей прожекторов.

К часу ночи мы прилетели на точку выброски. Самолёт снизился примерно до 100 метров, сделал два разворота, лётчики изучили местность, потом самолёт поднялся на высоту примерно 400 метров (с которой обычно прыгают с парашютом). Штурман объявил, что мы находимся на нужной точке и должны приготовиться к прыжкам.

Мы все выстроились цепочкой друг за другом, самого сильного поставили последним, чтобы давил на всех впереди стоящих, что способствовало кучности приземления.

Инструктор открыл дверь в самолёте — звук сирены, и мы выпрыгнули.

На втором развороте самолёта на мой сигнал карманным фонариком тоже на парашютах был сброшен груз.

Для сбора на месте приземления у каждого из нас был «манок», который издавал звук дикой утки.

Я оказался тяжелее других, приземлился в отрыве от остальных и на месте никого не разыскал. В этом случае, если не удастся собраться всем на месте приземления, было установлено два запасных пункта сбора. Местность каждый член группы знал со всеми подробностями.

С рассветом я сориентировался, взял нужный азимут и направился на первый запасной пункт сбора, через час ходу я оказался на опушке леса, впереди была деревня с тригонометрической вышкой. Я сверился с картой. На карте тригонометрического пункта не было, и я начал сомневаться о своём месте нахождения.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

Несколько минут с опушки леса я наблюдал за деревней. Ничего подозрительного не заметил. После этого я решил зайти в ближайший от опушки леса дом. Это было раннее утро, когда хозяйки обычно идут доить коров.

Увидев меня, жители дома были удивлены и испуганы, но вскоре пришли в себя. От них я узнал, что нахожусь в деревне Павлиний Клетнянского района Брянской области (в то время, кажется, Орловской области). Сразу я не мог понять, что происходит, потом спросил, далеко ли Рославль. Мне ответили, что Рославль в Смоленской области и находится отсюда в 150 км. Тогда я понял, что выброшен не в своём районе. Узнав обстановку в данном районе о том, что в центре района Клетя, которая в 12 км от Павлинок, находится немецкий гарнизон и что немцы часто наезжают с полицией в Павлинки, я, не задерживаясь, вернулся в лес и направился на место приземления, разыскивая своих ребят.

Только я ушёл из деревни, и тут же приехали немцы с полицией и давай спрашивать жителей, нет ли в деревне чужих людей. Допрос учинили самый строгий, так как они догадывались, что ночью с самолёта в этом районе кто-то был выброшен.

В этот же день к вечеру 15 июня недалеко от опушки леса я заметил «пахаря», долгое время я наблюдал за ним, и мне показалось, что он не столько пашет, как наблюдает по сторонам, как бы кого-то ждёт. Я подал ему сигнал и пригласил к себе на опушку леса. «Пахарь» оказался, это стало известно позже, связным местного партизанского отряда. В беседе со мной «пахарь» (к сожалению, фамилию не могу вспомнить) всё давал понять, что ночью очень низко летал самолёт, как он выразился – чуть не задевал крыши домов, и что раньше так здесь самолёты не летали. «Пахарь» показался мне своим человеком, и в конце беседы я спросил его, нет ли здесь

партизан, на что он, категорически отрицая, говорил, что были, но куда-то ушли подальше. Я понял, что он знает о партизанах, но боится говорить. Тогда я в требовательной форме сказал ему, что мне во что бы то ни стало надо встретиться с партизанами. После этого он долго смотрел на меня и заявил: «Если надо, то я это сделаю». Здесь же мы договорились о месте встречи. На этом и разошлись.

К вечеру я разыскал своих ребят. Теперь группа была в полном сборе.

Я дал первую радиограмму в «Центр» о том, что выброшен не в своём районе, и указал, где именно.

На следующий день радист принял из «Центра» радиограмму примерно следующего содержания: «Выйти в заданный район и приступить к выполнению задания».

На место встречи с «пахарем» я не пошёл. Разыскав груз, сброшенный на парашютах, мы начали готовиться к переходу в район действия согласно заданию. На одной из лесных дорог мы встретились с группой вооружённых людей. Вооружённые разным оружием, особенно их старший, начали нам доказывать, что они партизаны и по заданию командира отряда ищут нас. Мы долгое время не подпускали их близко и держали на прицеле автоматов. В конечном итоге старший начал просить принять его одного и выслушать всё, что он скажет.

Старшим оказался Бородынкин Николай Устинович, действительно партизан, посланный с группой командиром отряда. После с этим Николаем Устиновичем у нас установились добрые отношения, так как он был первый, с кем мы повстречались на лесной дороге в незнакомой местности.

Наш маршрут следования проходил через деревню Бочары, где находился штаб партизанского отряда. Николай Устинович передал просьбу командира и комиссара отряда встретиться с ними.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

Я дал согласие на встречу, да иначе и быть не могло. Первая встреча произошла ночью, сразу же по прибытию в деревню Бочары. В ходе встречи произошло знакомство. Здесь я узнал, что командиром партизанского отряда является капитан Красной армии Данченков Фёдор Семёнович и комиссаром – политрук Гайдуков Илья Кузьмич. Основной разговор и подробное знакомство состоялись утром. Фёдор Семёнович, узнав о том, что я следую в Смоленскую область, начал просить меня остаться в данном районе, что пребывание группы с «Большой земли» с рацией в отряде придаст больше организованности, боевитости, будет способствовать пополнению отряда новыми людьми.

В подтверждение просьбы Фёдор Семёнович и Илья Кузьмич вкратце изложили, что сделано отрядом и возможности отряда на ближайшее время.

В беседе были затронуты наличие и численность немецких гарнизонов, железных и шоссейных дорог. Особое внимание придавалось наличию Сещенской авиабазы и большого количества на ней немецких самолётов.

Просьба была убедительна и для действия перспективна. О просьбе Данченкова Ф.С. я передал в «Центр» радиограммой своему «хозяину». В ответ получил категорическое подтверждение – «двигаться в заданный район действия».

Настойчивые требования «Центра» вызывались и другими обстоятельствами.

По заданию я был соседом ранее выброшенной группы политрука Русакова Матвея, и от него не поступило ни одной радиограммы. И я должен был выяснить и сообщить, что с ним и группой произошло.

На мои настоятельные доводы остаться в Клетнянском районе командование «Центра» в конце согласилось с условием: установить связь с Русаковым и на первых порах дать

сведения о противнике и вообще об обстановке в Хиславическом районе.

Командование «Центра» скорректировало основное задание для Клетнянского района, о чём подтвердило радиогаммой.

Итак, группе было разрешено остаться на Брянщине.

В лесу, где располагался лагерь отряда, по случаю нашего прибытия состоялся митинг, на котором командование отряда сообщило партизанам, что теперь о их действиях будет знать «Большая земля», что скоро к ним полетят самолёты с оружием и боеприпасами. Отряд будет связан рацией со штабом партизанского движения. Это положение обязывает отряд ещё больше усилить боевую деятельность на всех коммуникациях немцев. Никакой пощады немцам не давать; бить их в гарнизонах, на железных и шоссейных дорогах, не давать немцам вывозить в Германию людей, скот, хлеб, лес и другое. Помогать в разгроме врага Красной армии.

На митинге мне пришлось выступить и сказать о том, что делают советские люди на «Большой земле» для быстрейшего разгрома противника, вероломно напавшего на нашу Родину. О том, что вся страна переведена на военный лад. Все советские люди работают под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!».

Так произошла встреча с партизанами создававшегося и приступившего к действиям отряда Данченкова Ф.С, позже выросшего в бригаду (первая Клетнянская партизанская бригада) — «лесными богатырями», как они названы в одном из опубликованных сборников воспоминаний участников бригады.

Желание партизан оказать нам, прибывшим с «Большой земли», хотя бы маленькую услугу, было огромным. Располагали мы в то время самым ценным — это портативной

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

радиостанцией, при помощи которой удалось связать отряд со штабом партизанского движения, слушать сводку Совинформбюро и распространять информацию среди оккупированного населения, а партизаны – умением подрывать поезда на железной дороге, автомобили, идущие с немцами и военной техникой на фронт, наводить наши самолёты для нанесения бомбовых ударов по военным аэродромам, базам, группировкам противника, сообщать о передвижении немецких войск, распознавать замыслы немецкого командования.

На первых порах в налаживании связи в районе большую помощь оказал нам Данченков Ф.С. За короткое время мы освоились в данном районе и приступили к более активным действиям.

Посланные на встречу с группой Русакова связные Авдеев Володя и Катя Чуб вернулись и доложили, что Русаков и радист Тобольцев в ночь после приземления были убиты бургомистром деревни Пустошь Ковалёвым. За этот «подвиг» он был немцами награждён. Об этом я сразу же радировал «Центру». (За бургомистром Ковалёвым значится много злодеяний, совершённых им на территории Смоленской, Могилёвской и других областей. Он заочно был приговорён к смертной казни. Все эти послевоенные годы он спокойно укрывался в ряде западных стран. Последнее место нахождения – Канада, которая выдала его в 1986 г. Он был доставлен в г. Могилёв на судебный процесс. На этот процесс меня приглашали в качестве свидетеля. Поехать я не смог по состоянию здоровья, ограничился письменными показаниями.)

В ходе выполнения задания большое внимание уделяли Сещенскому гарнизону, так как наше командование проявляло большой интерес, зная о том, что в Сеще находился хорошо

оборудованный военный аэродром, на котором немцы базировали большое количество бомбардировочной авиации.

Наши самолёты неоднократно налетали и бомбили Сещенскую авиабазу, и внешне казалось, что каждая такая бомбёжка наносила большой урон немцам, а на самом деле немецкие самолёты продолжали взлетать и бомбить наши города и боевые порядки наших войск.

Нам удалось установить, что в 7–8 км от действительного аэродрома и посадочных площадок (Олсуфьево) немцы оборудовали ложный аэродром и посадочные площадки, на которых размещали фанерные макеты самолётов, бочки с мазутом, ложное освещение и др. Вот эти ложные точки и подвергались бомбёжке во время налёта нашей авиации. При такой бомбёжке с воздуха казалось, что разбитые самолёты горят, возникает суеда и паника, что аэродром выведен из строя.

Нами по радиации были переданы точные координаты действительного и ложного аэродромов и вызвана авиация для бомбёжки действительного аэродрома и посадочных площадок.

В течение трех ночей подряд наша авиация массированными налётами бомбила действительный аэродром и посадочные площадки.

После каждой ночной бомбёжки командование («хозяин») просило подтвердить результаты бомбёжки. А результаты были исключительно хорошие. Немцы не ожидали такого результативного налёта и бомбёжки и потеряли около 100 самолётов. Отличались прямые попадания бомб в казармы, где размещался лётный и технический состав.

Военные госпитали Рославля, Брянска, Дубровки и других гарнизонов пополнились ранеными немцами, а более 100 немцев навечно остались на Брянской земле. Немецкое

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

командование долго не могло восстановить и наладить службу авиабазы. Дорого поплатились немцы за свою хитрость!

С помощью связи Данченкова Ф.С. в скором времени нам удалось установить связь с интернациональной подпольной группой, руководимой комсомолкой Аней Морозовой, действовавшей в Сеще, и снабжать ее магнитными минами, которые подпольщиками, работающими на аэродроме, прикреплялись (приклеивались) к самолётам при их обслуживании, а последние взрывались в воздухе. Таким образом было уничтожено ещё несколько самолётов. Немцы долгое время не могли разгадать причину взрыва, были даже подозрения на заводы, где выпускались эти самолёты.

Группой было спущено под откос 13 воинских эшелонов с живой силой и военной техникой на железной дороге Рославль—Брянск, Клинцы—Новозыбков—Унеча. Подорвано 26 автомобилей с живой силой и военным снаряжением на шоссе на дорогах. Захвачена у немцев армейская полевая радиостанция с шифром, радиogramмами и доставлена нашему командованию через линию фронта вызванным самолётом. Много было передано по радиации различной военной информации: о движении и дислокации немецких войск, о поведении немцев на оккупированной территории, об изменниках Родины, перешедших на службу к немцам, о замыслах немецкого командования и другая информация.

Было организовано обучение партизан подрывному делу. Подрывную группу возглавлял Анатолий Чмыхов, по специальности горный инженер, его заместителем был Константин Гребешков, его называли «неутомимый изобретатель мин». В группу на первых порах Данченковым Ф.С. были отображены Афанасий Сафонов, Николай Борисов, Иван Рагулькин, Мирон Шанов, Евгений Нехотяев и др. После успешного обучения и стажировки они приступили к самостоятельным

действиям по диверсиям на железной дороге. Это движение ширилось, и в последующем партизаны объявили немцам «рельсовую войну».

Хочу несколько пояснить, каких трудов и риска стоило подорвать железную дорогу и спустить под откос поезд. А то в наших современных кинофильмах это изображают очень просто и примитивно.

Немцы на железной дороге и вблизи её создали очень строгий режим и обстановку. На железнодорожной насыпи через каждые 700–1000 метров, в зависимости от местности, были выстроены вышки, на которых установлены прожекторы и пулемёты с хорошим сектором обстрела. На каждом километре железной дороги находилось до 3–5 парных патрулей, к тому же привлекались полицейские и мобилизованное гражданское население (особенно в ночное время).

Там, где железная дорога проходила по лесу, по обе стороны дороги лес вырезался и образовывались завалы, которые, в свою очередь, минировались. Железная дорога и подступы к ней систематически освещались ракетами.

Вот в такой обстановке приходилось подрывать железную дорогу и пускать под откос поезд. Часто приходилось затрачивать несколько ночей, исползать не один километр, чтобы добиться поставленной цели.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

Были и такие случаи, когда немцам удавалось обнаруживать и снимать мины, но после того как инженер-полковником Стариковым были изобретены противопоездные мины, при их разминировании немцы сами взлетали в воздух.

У немцев на железной дороге была очень хорошо организована аварийная служба. И в течение 10–15 часов дорога восстанавливалась и возобновлялось движение поездов. Надо вдуматься, что значило для фронта прервать движение поездов на 10–15 часов. А в целом сколько таких задержек! Вот прямая помощь нашему фронту, Красной армии «лесных богатырей», которые действовали в тылу врага.

Очень вдумчиво и бесстрашно действовали ребята из моей группы и пустили под откос по 2–3 поезда: Петя Немыткин, Володя Авдеев, Катя Чуб, Володя Сергеев.

Заслуживает похвалы и радист Ваня Нечаев, который обеспечивал бесперебойную связь с «Большой землёй».

Когда немцы в 1942 г. применили в Крыму бомбы и снаряды с отравляющими веществами, из «Центра» я получил приказание проверить на всех базах, складах, нет ли там у немцев такого оружия. В приказе говорилось: в случае обнаружения добыть такое оружие и немедленно сообщить для принятия решения о переправке его через линию фронта.

При проверке было установлено, что в данном районе бомб и снарядов отравляющего действия не оказалось, о чём было передано в «Центр».

Одно дело подорвать железную дорогу и пускать под откос поезда, а в дальнейшем становилось всё труднее это делать, принимая во внимание, что немцы быстро восстанавливали движение, и другое дело – вывести из строя железнодорожный мост через реку Десна, что прервёт надолго движение поездов к фронту и обратно.

Так созрела мысль о подрыве железнодорожного моста через реку Десна. Но для этого требовалось много взрывчатки и другого материала. Сложности возникли очень большие. К этому надо добавить, что мост очень усиленно охранялся немцами. По обе стороны моста имелись оборонительные сооружения как противовоздушного, так и наземного порядка, а по реке под мостом постоянно курсировал катер с охраной.

Непосредственное участие в разработке плана подрыва моста принимали Данченков, Гайдуков, Майдан, Антонов и Чмыхов. Было проработано несколько вариантов, на одном из которых и остановились: подорвать мост подходами под водой.

Был составлен расчёт потребности необходимых материалов. Всё это время велась разведка обстановки в районе моста.

Для осуществления этой цели начали разыскивать неразорвавшиеся бомбы и снаряды и выплавлять тол, добывать бикфордов и детонирующий шнуры, электровзрыватели и противогазы для работы под водой.

Но в скором времени мы этот план отвергли, особенно из-за отсутствия необходимого материала и имущества.

И я дал радиogramму своему «хозяину» примерно следующего содержания: «Для подрыва ж.д. моста через р. Десна требуется 200 кг тола...», указал количество метров бикфордова и детонирующего шнуров, количество электровзрывателей и 5 подводных саперных костюмов.

Получив такую радиogramму, в «Центре» усомнились в том, сумеем ли мы без специальной подготовки осуществить такую важную и значимую задачу (об этом нам стало известно позднее). И в течение месяца на Москве-реке готовили специально группу, и через месяц я получил из «Центра» на этот счёт радиogramму, в которой говорилось: «Подобрать место и сигналы для посадки самолёта У-2». Площадка была подобрана, самолёты

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

приняты. Самолётами была доставлена группа офицеров во главе с майором (фамилию не помню) с полным снаряжением для подрыва моста. Оказывается, эта группа и прошла специальную подготовку на реке Москве.

Прибывший батальонный комиссар Кушмизков А.Х. со спецгруппой вместе с Данченковым Ф.С. продолжили разработку плана по подрыву моста.

К этому времени в отряд к Данченкову Ф.С. был заброшен штабом партизанского движения радист с рацией по фамилии Бабурин.

В это время, в сентябре 1942 г., мне было приказано «Центром» выйти с группой в другой район, южнее г. Трубчевска, и заняться в основном разведкой.

В феврале 1943 г. группе от «хозяина» последовало указание – перейти линию фронта, для чего требовалось указать, где примерно намечается переход линии фронта.

Ввиду стабильности линии фронта в районе города Кирова перейти её не удалось. Вскоре я заболел сыпным тифом и пролежал в лазарете бригады Орлова Георгия Ильича (тоже живёт в г. Новосибирске, иногда встречаемся).

В бригаду Орлова изредка прилетали наши самолёты У-2 (кукурузники), и мои товарищи на них перелетели за линию фронта. По выздоровлении, в марте 1943 года, перелетел линию фронта и я. Прибыл в Москву. Представил в письменной форме отчёт о выполнении задания.

Все участники группы были награждены боевыми орденами.

Прошло 44 года с того времени. За это время выросло два поколения советских людей, но я и сейчас с большой теплотой и гордостью вспоминаю своих боевых соратников по группе: Сашу Копылова, Петю Немыткина, Катю Чуб

и Лору Миловидову, Юру Прокофьева и Володю Авдеева, Васю Назарова и Володю Сергеева.

Все эти ребята проявляли высокий патриотизм, любовь к Родине, чувство ответственности, знание своего дела, мужество, смелость, находчивость, заботливое отношение к товарищам.

Я всегда буду вспоминать добрым словом Ф.С. Данченкова, И.К. Гайдукова, которые за всё время нахождения группы в Клетнянском районе оказывали нам необходимую помощь в выполнении поставленной задачи. За всё это большое им спасибо.

Наша встреча с командованием 1-й Клетнянской партизанской бригады – Данченковым Фёдором Семёновичем и комиссаром Гайдуковым Ильёй Кузьмичем – и взаимная связь оказали большое влияние на развёртывание партизанского движения в Клетнянском районе на Брянщине. Это видно из кинофильма «Вызываем огонь на себя», поставленного по повести моего друга и соратника по в/ч 9903 Овидия Горчакова, неоднократно выполнявшего спецзадания в глубоком тылу противника.

Осталось сказать о дальнейшей судьбе участников группы.

Саша Копылов, Володя Авдеев, Катя Чуб ушли на задание вместе с командиром части Спрогисом А.К., который был назначен начальником штаба партизанского движения в Латвии. Радист Ваня Нечаев по приказу «Центра» мною был передан в группу Чернова. Володя Сергеев погиб при минировании железной дороги в 1942 г., в этом же году погиб и Вася Назаров, попав на немецкую засаду.

Лора Миловидова пожелала остаться в бригаде Данченкова, и просьба её была удовлетворена.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

Саша Копылов после войны работал управляющим банка в г. Риге, Катя Чуб была на комсомольской работе, сейчас живёт в г. Загорске под Москвой.

О других ребятах достоверными сведениями не располагаю.

После упразднения в/ч 9903 меня передали в распоряжение Главного разведуправления Генерального штаба, где я выполнял исключительно разведывательную службу тоже тылу противника.

За период службы в разведорганах я сменил несколько кличек. Последнюю в 1944 г., будучи заместителем начальника оперативного центра по разведке в тылу у немцев, имел кличку «Задорный».

Оперативный центр находился на территории Слонима, Белостока и в районе крепости Осовец. Руководил Центром майор Гнедаш Кузьма Савельевич (Ким), который во время карательной экспедиции немцев в июле 1944 г. был смертельно ранен. Похоронен в г. Слониме. Посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В Москве, в здании, где находится архив о военных разведчиках, в вестибюле висят портреты. Первым идёт армейский комиссар Ян Берзинь, долгие годы стоявший во главе советской военной разведки. С ним рядом – знаменитый его воспитанник Рихард Зорге. Третьим идёт портрет майора Гнедаша Кузьмы Савельевича. Его именем в г. Слониме и на родине в деревне Сологубовке Сумской области названы школы, пионерские дружины.

1943 и 1944 гг. в моём рассказе отведено очень мало места, потому что эта тема заслуживает отдельного повествования. Я же стремился в своих воспоминаниях больше остановиться на времени 1942 г., связанном с Клетнянским районом и командованием 1-й Клетнянской партизанской бригадой.

Мои действия и действия моих соратников в годы войны нашли отражения в книгах: «Вызываем огонь на себя» Овидия Горчакова, «Бригада трижды уничтоженных» Владимира Павлова, «За три часа до рассвета» Бориса Гусева и в сборнике «Лесные богатыри», а также в кинофильме «Вызываем огонь на себя».

Я и мои товарищи по борьбе благодарны писателям, журналистам, кинорежиссёрам, композиторам, которые по архивным документам и воспоминаниям участников войны написали повести, рассказы, стихотворения, очерки, поставили кинофильмы и сочинили музыкальные произведения.

Выступая перед разными аудиториями по местному радиовещанию и участвуя в частных беседах с воспоминаниями о прошлой войне, я часто слышу вопрос: «Как трудно было действовать в тылу противника и какой период войны для нас был самым тяжёлым?»

Я всегда и везде отвечаю всем примерно так: всем, кто был на войне и непосредственно принимал участие в бою, всем им было трудно, ну а действовать в тылу врага ещё труднее, потому что здесь фронта как такового не существовало. Кругом враг. Часто приходилось действовать на незнакомой местности, возникала масса непредвиденных неожиданностей, по которым надо было мгновенно принимать решения, зачастую очень рискованные.

Самое трудное время для наших групп было в конце 1941 и начале 1942 г. под Москвой. Немцы подтянули к Москве массу войск и боевой техники с одной целью – взять город. С нашей стороны было всё мобилизовано на защиту Москвы. Наши группы получали кратковременные разовые задания для выполнения в тылу немцев.

Наши группы несли большие потери при переходе линии фронта и действуя в самой гуще немцев.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

В это время была схвачена и зверски замучена Зоя Космодемьянская.

Прежде чем закончить свои воспоминания, считаю необходимым вернуться к интернациональной подпольной группе, действовавшей в Сеще под руководством своего комсомольского вожака Ани Морозовой, помощью которой мне приходилось пользоваться, ведя разведку Сещенской авиабазы, и сообщить о её дальнейшей судьбе и некоторых других членах группы, сведениями о которых я располагаю из разных источников, в том числе и личных встреч, а также рассказать о своих впечатлениях о Брянщине в послевоенный период, где мне приходилось бывать по приглашению.

После освобождения Брянщины Красной армией в 1943 году Аня Морозова была призвана в армию и по её просьбе зачислена в специальную воинскую часть для выполнения специальных заданий в тылу противника. В г. Смоленске Аня прошла курс подготовки радистов и была заброшена в глубокий тыл противника радистом в составе разведгруппы «Джек», командиром которой был капитан Павел Крылатых.

Действуя на территории Восточной Пруссии и Польши в сложных условиях, группа, преследуемая карателями, несла большие потери. В неравном бою погибла и Аня. Она похоронена на польской земле. Это произошло в июле 1944 г. Школа в польском селе Градзаново названа именем Ани Морозовой.

Посмертно Ане Морозовой присвоено звание Героя Советского Союза.

Писатель Овидий Горчаков посвятил Ане повесть «Лебединая песня».

- Людмила Сенчилина стала учительницей, проводит большую военно-патриотическую работу среди молодёжи. Живёт в Сеще.

- Ян Тыма воевал в составе Польской армии, продолжал служить в мирное время, сейчас подполковник в отставке, живёт в Польше.

- Вацлав Мессьяш стал строителем в родной Познани.

- Венделин Робличка (глаза и уши разведки) вернулся на родину в Чехословакию и занялся мирным трудом.

- Горкевич погиб, находясь в действующей Польской армии.

- Наставник группы Костя Поваров, Ян Маноковский, Мотя Ерохина, Ваня Алдюхов погибли под пытками гестапо в 1943 г.

Таковы судьбы некоторых участников Сещенского интернационального подполья.

В 1968 г. Брянщина отмечала 25-летие освобождения от немецко-фашистских оккупантов и чествовала воинов Советской армии и партизан, принесших ей освобождение.

На торжества прибыли секретари обкомов партии и комсомола соседних областей, председатели облисполкомов, бывшие командующие армиями, войска которых освобождали Брянщину, – генералы армий И.И. Федюнинский и А.В. Горбатов, прославленные партизанские вожаки Дука, Данченков и другие участники Сещенского интернационального подполья; делегации из Болгарии, Венгрии, Вьетнама во главе с послом. Поэт Грибачёв, композитор Кабалевский, написавший музыку к песне «Шумел сурово брянский лес»; ректор Московского университета им. Ломоносова Петровский, родившийся и живший до 16 лет на Брянщине; представители воинских частей; родственники погибших из Сещенского подполья; большой отряд пионери; писатель

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

Овидий Горчаков, который прославил брянских партизан в своей бессмертной повести «Вызываем огонь на себя»; кинорежиссёр Сергей Колосов, поставивший по этой повести кинофильм.

Большим для меня счастьем явилось то, что на эти торжества был приглашён и я как бывший разведчик Красной армии, поддерживающий в годы войны связь с брянскими партизанами.

По случаю 25-летия освобождения Брянщины в Сеце состоялся митинг, посвящённый этой дате и открытию памятника Героям Сещенского интернационального подполья: Ане Морозовой, Константину Поварову и Яну Маньковскому.

На пилоне памятника написаны строки:

*«Вам, единство народов
В сраженьях с фашизмом ковавших,
Вам, героям живым
И героям, со славою павшим,
Этот памятник наш,
И наша любовь на столетья,
В братстве русских, поляков и чехов —
Ваше бессмертье».*

Состоялось открытие памятника погибшим партизанам 1-й Клетнянской партизанской бригады на месте формирования бригады в деревне Бочары, здесь же был открыт и музей боевой славы партизан.

На памятнике павшим партизанам написано: «1941 — 1945 гг. и 25 лет со дня освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков». На обратной стороне бессмертные слова Александра Невского: «Кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет». По обе стороны кургана, на котором

установлен тринадцатиметровый пилон, застыли каменные изваяния воина и партизана.

Участники митинга возложили венки на братской могиле, где захоронены 150 бойцов и командиров бригады.

После торжественных мероприятий в просторном, рубленном доме Людмилы Сенчиной встретились бывшие подпольщики Сеци, разведчики, командиры и наставники, а также родственники погибших подпольщиков.

Среди собравшихся были: Ян Тыма с женой, Вацлав Мессьяш, Аркадий Виницкий, Паша Бакутина, Николай Майдан, Иван Косырев, Фёдор Данченков, Илья Гайдуков, брат Константина Поварова, брат Яна Маньковского, Овидий Горчаков и сестры Ани Морозовой.

Встреча была очень трогательная. За 25 лет мы все повзрослели, возмужали, набрались жизненного опыта. За четверть века у каждого из нас были и радости и печали. Много было воспоминаний, главным образом из прошлой войны.

Вспомнили и почтили светлой памятью тех, кто не дожид до дня Победы.

Разъезжаясь по своим домам, мы давали друг другу обещания поддерживать между собою связь и увозили самые добрые впечатления.

Не знаю почему, но мне Брянщина дорогá; возможно потому, что пришлось воевать на её земле, а возможно потому, что здесь живут добрые, трудолюбивые и гостеприимные люди, чем-то похожие на моих соотечественников на родной Украине – Черниговщине.

В годы прошлой войны люди этого края были мужественными, суровыми, воинственными, так же как и «суровый брянский лес».

А сейчас, в мирное время, всё изменилось, лес и люди на этой земле, сохранив мужество и боевитость, опираясь

на дружбу народов, возобновив трудолюбие, проявляя доброту и щедрость, восстановили и возвеличили Брянщину по всем направлениям.

В знак памяти народной погибшим в войне возвели памятники и монументы с вечным огнём.

Эти места стали святыми.

Здесь проводятся митинги, парады, пионеры и комсомольцы рапортуют о походах по местам боевой и трудовой славы, здесь молодые воины принимают присягу на верность Матери-Родине, вручаются комсомольские билеты, отсюда парней провожают в армию.

В брянском лесу тишина. В глубине чащи, на мемориальной поляне, горит Вечный партизанский костёр.

Помните, люди, о тех, кто погиб, помните! Берегите великую землю, за которую они сражались!

По лесным тропам, к партизанским могилам и местам былых сражений идут и идут люди...

Мир, который мы добыли, достался нам дорогой ценой. Берегите его!

Пусть всегда звучит вечный призыв к совести человеческой!

Пусть нашей армии никогда не придётся воевать, пусть наши дети и внуки служат только для парадов и почётных караулов. Пусть война, которую мы пережили, будет последней, и праправнуки будут вспоминать её как трагедию. Пусть никаких подобных побед больше не будет. Пусть царствуют на земле мир и добро!

Мои воспоминания написаны, главным образом, для молодёжи, чтобы пробудить в ней чувства гордости и уважения за своих дедов, бабушек, отцов, родственников, которые в невероятно трудных условиях борьбы с фашизмом отстаивали свободу и независимость нашей любимой Родины.

г. Новосибирск

12 апреля 1987 г.

Часть 2

Во второй части своих воспоминаний я уделил внимание главным образом 1942 г., в то же время обещал продолжить рассказ о том, что же произошло дальше в 1943–1944 гг.

Итак, в марте 1943 г. я прибыл в Москву и явился в «Центр» для доклада о своём возвращении и выполнении задания. В «Центре», который располагался на Арбате в Знаменском переулке, меня принял подполковник Мегера Афанасий Кондратьевич, до упразднения в/ч 9903 у командира Спрогиса Артура Карловича был заместителем.

Афанасий Кондратьевич поздравил меня с прибытием и предложил написать письменный отчёт о выполнении задания; одновременно сообщил, что в/ч 9903 больше не существует и о том, что Спрогис А.К. назначен начальником штаба партизанского движения в Латвии и всех, кто в это время находился в Москве из в/ч 9903, забрал с собой в Латвию. С ним отправились и мои ребята, которые прибыли раньше меня в Москву.

Товарищ Мегера А.К. сообщил мне, что я оставлен в распоряжении «Центра» и после отчёта и короткого отдыха должен быть готовым для получения очередного задания. После этого разговора направил меня к представителю «Центра» в студенческий городок, в Лефортово. Им оказался майор Афанасьев, при нём было таких, как я, человек 15–20, которые располагались в одном из студенческих корпусов

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

и жили под видом студентов, все находились в гражданской одежде, которую и мне выдали.

Это количество (15–20 человек) постоянно менялось, так как одни приходили, а другие отправлялись на выполнение заданий.

Отчёт у меня занял несколько дней и был принят товарищем Мегера А.К. После сдачи отчёта наступили долгожданные дни отдыха. Нам разрешено было свободно выходить в город, посещать кинотеатры, театры, выставки, одним словом, свободно проводить время, в то же время не забывать о том, что мы можем потребоваться в любой час, поэтому, уходя, всегда оставляли в журнале запись: на какое время ушёл и где будешь находиться.

Первые дни я чувствовал себя очень слабым. Видимо, «сыпняк» и недоедание отобрали много сил, но теперь питание было достаточное и я быстро восстановил потерянное. В скором времени меня вызвали в «Центр», осведомились о самочувствии и направили на беседу к подполковнику Знаменскому, который в последующем и стал моим направленцем.

Знаменский – Герой Советского Союза, это звание ему было присвоено за боевые отличия в войну с белофиннами, оказался очень добрым, душевным, располагающим к себе человеком. Внешне привлекателен, всегда подтянут, аккуратен, немногословен. Чувствовалось, что порученное ему дело знает хорошо, на вид ему было за 30 лет.

Товарищ Знаменский попросил меня рассказать, какие задания и где я выполнял, просил дать по возможности подробный анализ в смысле обстановки для наших групп в первый период войны и в последующем, насколько она усложнилась, какие методы борьбы применяют немцы и их наёмники против

партизан и местного населения, которое не поддерживает оккупационный режим.

В разговоре чувствовалось, что его интересует всё до мелочей, что делается в немецком тылу. Товарищ Знаменский интересовался, хорошо ли я знаю районы западнее Киева. На это я ему отвечал, что знаю в основном только по географической карте, но сам там не был.

Все первые беседы, можно сказать, носили познавательный характер.

Дальнейшие беседы и встречи, которые проходили в здании, расположенном в саду им. Баумана, принимали конкретный деловой разговор. Здесь мне выдавали для ознакомления и изучения топографические карты с листами: Киева, Киростеня, Овруча, Игнатполя, Белокорович, Житомира. Такая процедура повторялась несколько дней.

По всему было видно, что вот-вот мне окончательно будет объявлено содержание задания.

Время торопило, Красная армия в ходе зимних побед 1942–1943 гг. приступила к изгнанию немцев за пределы нашей Родины.

Немецкое командование, чтобы избежать полного поражения своих войск в левобережной части Украины, начало перебрасывать на Восточный фронт из Западной Европы вновь сформированные дивизии.

При такой сложившейся обстановке необходимо было усилить нашу разведку для наблюдения за переброской немецких войск.

Я был срочно вызван к Знаменскому, который объявил мне, что обстановка изменилась, в связи с этим задание я получу в разведотделе Центрального фронта, и показал мне в сторону сидевшего майора, представителя Центрального фронта.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

Подполковник Знаменский написал рекомендательное письмо начальнику разведотдела Центрального фронта генералу Романовскому, тепло со мной попрощался, пожелал успехов в боевых делах. И мы с прибывшим майором улетели на самолёте в город Елец, где, видимо, находился разведотдел фронта.

На второй день по прибытии меня принял генерал Романовский. Я вручил ему письмо, которое передал мне Знаменский.

Здесь же состоялась краткая беседа, в которой генерал изложил мне предстоящее задание, предупредив о том, что, возможно, в ближайшие дни предстоит вылет. Далее генерал сказал, что моим направлением будет майор Бондарев Пётр (Николай Николаевич).

Майор Бондарев крупного телосложения, даже излишне полноват, с открытым добродушным лицом и серыми глазами. (Мне, видимо, везло на направленных.)

Майор Бондарев подробно изложил мне задание, которое состояло в следующем: вылететь в тыл противника в район западнее городов Калинковичи, Мозыр, где-то около Копоткевичей, и принять на месте действующую группу Алексея Корнеева. Смысл замены Корнеева заключался в оздоровлении обстановки в группе. По возможности Корнеева предполагалось переправить на «Большую землю».

Я представлял, что замена командира, да ещё в тылу противника при той обстановке в группе, дело очень сложное, я бы сказал, даже щепетильное.

Принимая всё это во внимание, я попросил дать мне с собой хотя бы одного человека. Просьба моя была удовлетворена, таким человеком оказался Ефремов Василий, по воинскому званию старшина, ранее проходивший службу в в/ч 9903, последнее время находился в действующих войсках

на Курской дуге. Я его знал очень мало. Но другого выбора не было, и я согласился с этой кандидатурой. После чего начались сборы к вылету. Получили топографические карты малого и большого масштаба, груз, куда вошло радиопитание и продукты для группы, оружие, небольшое количество взрывчатки, главным образом магнитных мин, а также несколько тысяч оккупационных и рейхсмарок.

В первых числах мая 1943 г. на самолёте «Дуглас» мы вылетели и были выброшены на парашютах на условленные сигналы. Приземление произошло благополучно. На месте приземления нас встречали специально назначенные бойцы из группы Корнеева.

Собрав парашюты, груз, нас доставили в деревню Дубровка, где располагалась группа.

Здесь я встретился с командиром группы Алексеем Корнеевым, который тоже проходил службу в в/ч 9903. О Корнееве я располагал очень скудными сведениями, в части в период между заданиями я его видел. Знал, что по воинскому званию младший командир, до войны служил в кадрах армии, в десантных войсках, а потом оказался в в/ч 9903. На вид стройный, представительный блондин.

Первая встреча, как и подобает, прошла во взаимных обменах мнениями и воспоминаниями. Алексею я сообщил, что имею особое задание и что через несколько дней я с Ефремовым уйду согласно полученному заданию.

Не знаю, насколько он поверил тому, что я сказал, во всяком случае, внешне воспринял спокойно.

Некоторых товарищей в группе я знал, встречал их в части, но знал их очень мало, так же как и они мало знали меня. В это время я был в звании капитана.

В течение первых дней, общаясь с ребятами, я внимательно изучал обстановку в группе и пришёл к выводу,

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

что в группе ничего страшного не произошло. Обстановка в группе, можно сказать, нормальная, правда были намёки на то, что Корнеев злоупотребляет выпивками.

После того как мне стала ясна обстановка в группе, я поехал в штаб Минского партизанского соединения, куда поступали сигналы о неблагополучии в группе.

Командованию соединения я сообщил, что прибыл заменить командира группы Корнеева. Моё сообщение командованием было принято с одобрением. В отношении Алексея Корнеева было принято решение переправить его на самолёте на Большую землю, что и было сделано.

Заканчивая рассказ о замене Корнеева, могу сообщить из слухов, которые дошли до меня, что Корнеев после короткого отдыха был заброшен в составе другой группы и успешно выполнял задания.

Теперь пора представить состав группы, которую я принял и с которой предстояло делить и успехи и неудачи.

- Костя Островский — студент пединститута, рассудительный, имел склонность к комиссарской деятельности, на вид очень привлекателен, всеми уважаемый в группе, назначил я его своим заместителем.

- Ваня Атякин — радист с большим стажем, доброволец, дело своё знал хорошо и обеспечивал бесперебойную связь с Большой землёй.

- Саша Ковалёв тоже, кажется, студент института, высокого роста, большеголовый, начитан.

- Фомин, небольшого роста крепыш, хорошо знал хозяйственное дело, легко справлялся с лодкой при переправах через реки.

- Евдоким Граховский, самый старший в группе по возрасту, призван из запаса, старшина, по национальности белорус, с резко выраженным белорусским акцентом, награждён

орденом Красного Знамени, парень смелый, обстрелянный, находчивый, но имел недостаток – много курил и сильно кашлял, что для разведчика нежелательно.

- Василий Ефремов прилетел со мной. Чувствовалось, что группа к нему отнеслась настороженно, главным образом из-за высокомерного характера, мне не раз приходилось его одёргивать.

- Лина Самохина ранее уже выполняла задания в Подмосковье, на вид симпатичная, подвижная, в её действиях много схожего с мужскими навыками.

- Саша Захарова – очень скромная, как бы малозаметная, но в делах исполнительная, дисциплинированная.

- Лена (фамилию не помню) на вид худощавая, в походах выносливая, наблюдательная, тоже, кажется, студентка института.

- Костя Молодцов – высокий, с вьющимися волосами сероглазый красавец с весёлым характером.

И ещё один парень, к сожалению, фамилии не помню, небольшого роста, рыженький, с волжским акцентом, он мне нравился своим добродушием, открытостью и исполнительностью. Если в целом характеризовать группу, то можно сказать одно: группа боеспособна, с высоким чувством коллективизма, сознанием своего долга перед Родиной.

Многие участники группы совершали диверсии на железных и шоссейных дорогах, пускали под откос воинские эшелоны с живой силой и военной техникой противника, вели разведку о передвижении и дислокации немецких войск и передавали добытые сведения по радиации на Большую землю. Вызывали нашу авиацию для нанесения бомбовых ударов по гарнизонам, базам, железнодорожным узлам и другим пунктам скопления противника.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

Регулярно принимали по радиации сводку Совинформбюро, размножали её и распространяли среди местного населения, всячески препятствовали мобилизации немцами местного населения для вывоза в Германию.

Долго мне не пришлось задерживаться в данном районе, так как последовало указание «хозяина» перейти на Украину в районы Овруча, Коростеня, Игнатполя, а позже в районы Белоковичей, Житомира.

Для перехода из Белоруссии на Украину необходимо было пересечь несколько железных и шоссейных дорог, форсировать малые и большие реки, особенно реку Припять. А что значит перейти железную или шоссейную дороги в тылу врага, когда они усиленно охраняются и по ним интенсивное

движение транспорта в течение всех суток, иногда образуется сплошной поток?

При переходе мы всё время наблюдали за поведением противника и собранные сведения передавали по радиии на Большую землю.

Были случаи, когда попадали на немецкие посты и вступали в перестрелку.

Надо заметить, что в районах, где предстояло нам действовать, мы не встретили ни одной оперативной группы, подобной нашей, кроме Житомирского партизанского соединения. В этом было большое отличие от организации партизанского движения в Белоруссии, где целые районы контролировались партизанами.

Отдаю должное командованию Житомирского партизанского соединения, которое оказало нам большую помощь и поддержку в налаживании связи с местным населением. Оно нам рекомендовало ряд людей, особенно служащих на железных дорогах Коростеня, Игнатполя, Белоковичей, Житомира, которые располагали сведениями о движении немецких эшелонов с войсками и техникой вплоть до номеров воинских частей, что для разведки представляет большую ценность.

Вот здесь нам и пригодились привезённые мной немецкие марки. За деньги можно добыть всё и в мирное и в военное время. Деньги пригодились и для связных, которые посещали в городах торговые базары.

Помнится, мы «засекли» одну так называемую немецкую «голубую дивизию», которая перебрасывалась по железной дороге из Испании на Центральный фронт, и мы держали её всё время следования под наблюдением и подробно передавали по радиии «хозяину» маршрут движения этого соединения.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

Командование («хозяин») выразило нам за это благодарность. А когда я после выхода из тыла был на приёме у командующего фронтом маршала Рокоссовского К.К., то он очень тепло отзывался о действиях наших оперативных групп в тылу противника, как он выразился: они помогают нашему командованию заблаговременно раскрывать замыслы противника и тем самым способствуют приближению нашей победы над фашистской Германией.

Немецкое командование предпринимало все меры для усиления своих войск, расположенных в левобережной части Украины. Основным оборонительным рубежом, прикрывающим столицу Украины Киев, считали реку Днепр.

Для этой цели немцы по железным и шоссейным дорогам с Запада перебрасывали свежие войска в район Киева. Об этом мы ежедневно передавали сведения по радиции на Большую землю.

Для лучшего обеспечения ведения разведки и наблюдения за противником, посоветовавшись с активом группы, я закрепил попарно своих людей за основными узлами, главным образом железнодорожными (Коростень, Игнатополь, Белокоровичи, Житомир).

Такой план расстановки людей придал больше внимания и ответственности каждого. Хорошо проявили себя в этот период Ковалёв, Молодцов, Фомин, Граховский; девушки Лина, Саша, Лена. Я и Костя Островский держали постоянную связь с командованием Житомирского партизанского соединения, где мы тоже получали большую информацию о противнике.

Все сведения, поступающие от наших связных, изучали, сопоставляли, обрабатывали для передачи радиограммами на Большую землю. Хорошо сработал в это время и радист Ваня Атякин.

Одним словом, работы хватало всем.

По нашим переданным сведениям часто налетала наша авиация для нанесения бомбовых ударов по железнодорожным узлам, где скапливалось много воинских эшелонов.

Магнитные мины, которые у нас имелись, мы передавали своим связным, работающим на железнодорожных узлах, а те, в свою очередь, организовывали минирование поездов, стоящих или проходящих через станцию.

Располагались мы, как правило, в лесных массивах, удалённых от населённых пунктов, в шалашах, подолгу не держивались на одном месте.

В этом обширном районе почти все населённые пункты сохранились, деревни в сравнении с белорусскими – большие. Для укрепления своего режима немцы имели полицейские формирования из местного населения. В каждом селе были старосты, назначенные немцами. Питались мы в основном за счёт местного населения и Житомирского партизанского соединения.

Всё это время мы регулярно принимали сводку Совинформбюро, переписывали её и распространяли среди местного населения, от которого мы имели большую поддержку.

Успехи Красной армии в это время были значительные, почти вся левобережная часть Украины была освобождена от немецких захватчиков, а в канун праздника Октября 1943 г. была освобождена и столица Украины – город Киев.

После освобождения войсками Красной армии моей родины – Черниговской области – я попросил радиogramмой командование «хозяина» оказать помощь родителям в освобождённом районе, на что получил ответ, что помощь будет оказана.

После освобождения г. Киева наше командование приказало нам двигаться на Запад в район г. Луненца, а позже поступило распоряжение обосноваться в Беловежской пуще,

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

где-то в районах Березы, Пинска, Житковичей. Наличие в этом районе железных и шоссейных дорог (Брест–Пинск–Калинковичи; Брест–Барановичи; Луненец–Барановичи) создавало возможности сбора большой информации о движении немецких войск в сторону Минска, Бобруйска и вообще на Восточный фронт.

Находясь в районе Пинских болот, я встречался с представителем «Центра» полковником Мегерой А.К., который в это время находился в партизанском отряде майора Чёрного; полковник Мегера внимательно выслушал мой доклад о проделанной работе и дал ряд советов, указаний на дальнейшие действия сообразно обстановке.

Я очень благодарен товарищу Мегере А.К. за ту заботу и доброту, которую он проявлял ко мне за всё время пребывания в системе разведорганов.

Несколько слов об отряде Чёрного. Первым командиром с осени 1941 г. был уже немолодой инженер-полковник, Герой Советского Союза Линьков Григорий (Батя), который высадился здесь с небольшой оперативной группой, в дальнейшем разросшейся за счет объединения мелких партизанских групп, местного населения, и ставшей крупным партизанским соединением. С осени 1942 года Линькова заменил молодой капитан Чёрный Иван, который продолжил дело Бати (подробно об этом партизанском соединении читайте в книге «Данные достоверны» Героя Советского Союза полковника И.Н. Чёрного).

Пребывание группы в этих районах отличалось от прежних районов на Украине главным образом наличием не только железных и шоссейных дорог, использовавшихся немцами, но и больших лесных массивов, как Беловежская пуца, а также непроходимых болот, что, в свою очередь, сужало коммуникации немцев, тем самым создавалось больше

условий для наблюдения за действиями противника, его маневренностью и замыслами.

Пинские болота в мирное время считались непроходимыми, а в военное время они для партизан, в том числе и для нас, были укрытием и основным местом расположения.

Здесь можно было в глубине болот за десятки километров от населённых пунктов встретить хутор в 2–3 дома, которые и в довоенное время не были учтёнными местными властями. На этих хуторах жизнь проходила по подобию натурального хозяйства, всё заготавливалось на месте.

Для нас такие хутора были большой роскошью. Наступила осень: дожди, приближалась зима, поэтому на хуторах была возможность обсушиться и обогреться.

Не могу обойти, не сказав о том, что в Беловежской пуще обитало стадо в количестве 11 зубров. Мы неоднократно любовались этими редкими животными. Зубры ещё до войны были завезены в эту пущу для размножения. За ними специально присматривали егеря: заготавливали корм, соль; специально были выстроены кормушки и поилки. Изредка и мы пользовались припасённой солью, которая в тылу врага являлась большим дефицитом.

Основная наша деятельность в этот период заключалась в наблюдении за передвижением немцев по железной и шоссейным дорогам, за скоплением воинских эшелонов на железнодорожных узлах.

Так продолжалось почти до января 1944 г. Но с каждым днём мы всё реже выходили по рации на связь, так как на исходе было радиопитание, поэтому приходилось расходовать его экономно. Все попытки добыть его на месте к успеху не приводили. И как на грех погода стояла пасмурная, нелётная. На неоднократные наши просьбы выбросить радиопитание получали ответ: ждите лётной погоды.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

А её всё не было. И мы приняли решение выйти за линию фронта в образовавшийся коридор в районе Паричи – Озаричи. Через этот коридор белорусские партизаны переправляли за линию фронта хлеб и другие припасы для действующей армии.

Прибыли мы в г. Клинцы. Здесь располагалось наше командование, «хозяин». Я доложил о сложившейся обстановке и ситуации и о принятом решении выйти за линию фронта, принимая во внимание, что участники группы почти два года находились в тылу врага, заявив, что мы готовы вернуться, пополнив запасы всем необходимым.

Командование оставило всю группу на отдых. Мы с Костей Островским засели за составление отчёта, который занял несколько дней. Это было, видимо, в феврале 1944 г.

Мне и другим товарищам по группе был предоставлен небольшой отпуск для поездки на родину. Так что я побывал у своих родителей в Черниговской области, которые два года находились под оккупацией немцев и ничего не знали обо мне, так же как и я о них ничего не знал. Помощь, которую я просил, командование оказало.

Не буду рассказывать, какая это была радостная встреча, одно только могу сказать, что мои старенькие родители были очень довольны, и я был рад встрече с родными, с домом, в котором прошло детство и юность. От этой встречи я получил новый заряд энергии для дальнейшей службы, которая оказалась продолжительной.

На период выполнения этого задания имел кличку «Ковтун». Быстро пролетели мои отпускные дни, и я собрался в дорогу. Родители наказывают мне, чтоб часто им писал. Что я мог на это им ответить? Конечно, буду писать часто, а сам подумал: будет ли такая возможность – писать?

Возвращался я в часть по железной дороге Нежин–Гомель, а дальше на попутных машинах. Сидя у окна в вагоне, я обратил внимание, что на обочинах железной дороги много валялось обгоревших, искореженных паровозов, и я сразу же подумал, что это результат партизанской «работы».

Прибыл я в часть в г. Клинцы, из которого я уезжал в отпуск. К моему удивлению, в части произошли изменения, ребят из моей группы перевели в г. Злынку, а меня направили в г. Овруч.

Моим направлением по-прежнему оставался Бонарев Пётр (Николай Николаевич).

В г. Овруче находилось ещё несколько ребят, которые только прошли специальную подготовку в школе и ожидали получения заданий.

Николай Николаевич мне объявил, что я назначен замначальника оперативного центра по разведке, который находится в тылу врага в районе Слонима. Руководит центром майор Гнедаш Кузьма Савельевич (Ким).

По представлению Николая Николаевича, Гнедаш К.С. очень опытный разведчик. Будучи продолжительное время на Украине в черниговских лесах, он умело и активно организовывал и проводил разведку, а также совершал диверсионные работы, особенно в районах Киева и Днепра, а позднее возглавлял оперативный центр, который включал в себя несколько небольших оперативных групп. Через несколько дней меня познакомили с младшим лейтенантом, только прибывшим из спецшколы – Неретиным Михаилом (Наумом) и радисткой Оболенской Марией (Заря).

Итак, нас уже стало трое. На подготовку к вылету оставалось мало времени. В начале мая 1944 г. нас троих доставили в пригород Киева–Васильково. Я летел на задание под кличкой «Задорный».

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

Через несколько дней мы вылетели в тыл противника. На месте приземления нас ждали специально посланные Кимом люди из оперативного центра.

Приземление и сборы прошли благополучно. Первое короткое знакомство с Гнедашем К.С. произошло в ночь по прибытии в центр.

Ким поздравил нас с успешным прибытием и предложил располагаться на ночлег.

Оперативный центр базировался в лесу.

Утром после завтрака Ким составил более содержательный разговор. Но прежде всего хочу сказать, какое произвёл на меня впечатление сам Ким. Среднего роста, на вид около 30 лет, приятной наружности, при разговоре немного щурит глаза, на щеках небольшие ямочки, одним словом, наружность приятная и располагающая к беседе.

Ким сообщил, что ещё до нашего прибытия от «хозяина» получена радиограмма, в которой предлагается оперативному центру передислоцироваться западнее Белостока в район Осовецких болот к границе Восточной Пруссии и вести разведку в направлении крепости Осовец, городов Белосток, Остролеко, Вышкув, Варшава, а также усилить наблюдение за возведением оборонительных сооружений на границе Восточной Пруссии по реке Бобр.

Далее Ким сказал, что выход в указанный район задерживался из-за нашего прибытия. А сейчас, когда мы все в сборе, следует наметить и принять правильное решение, как лучше совершить переход. Здесь Ким обратил внимание на то, что впереди местность не изучена и что подняться всему оперативному центру с наличием имущества, главным образом радиостанцией, которая работает от движка, будет сложно. К тому же основной радист Клара Давидюк по кличке «Смирная» приболела и находится на излечении

в Слонимском партизанском отряде Прокопа, поэтому вначале пойдёт небольшая группа с радиостанцией. Проложит маршрут, после чего последует передвижение и всего оставшегося центра в количестве 8–10 человек.

Старшим группы был назначен я. В группу были отобраны: радист Пётр Есаков с радиостанцией «Север», по кличке «Марат», ранее был в партизанском отряде в Белоруссии у Григория Линьнова, а после ухода Линькова в район Бреста Есаков, как ограниченный по состоянию здоровья (при приземлении повредил ногу), был оставлен в партизанском соединении Комарова (Полесская область), а позже оказался в оперативном центре Кима.

Второй участник группы – Франкль Иван Бертольдovich, по кличке «Тиссовский», по национальности чех, член компартии Чехословакии. Когда фашисты захватили его Родину, он по указанию своего ЦК эмигрировал в Польшу, откуда перешёл в Советский Союз.

Наша военная разведка имела на него данные. Ему предложили работать в тылу у немцев, и он с радостью согласился, высказав единственное пожелание – получить советское гражданство. Франкль-Тиссовский был высокого роста, худощав, свободно владел несколькими европейскими языками.

В группу были назначены ещё четыре парня, фамилий не помню, а имена память сохранила, это были: Леонид, по возрасту около 30 лет; Михаил, по национальности еврей, уроженец Западной Белоруссии, по возрасту примерно 35 лет. И молодые парни Миша и Толя.

В качестве проводников, по договорённости с командиром партизанского отряда Прокопом, были выделены два партизана.

Вот такой был состав группы, которой предстояло выполнить очень ответственную задачу.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

В конце мая 1944 года группа с полным снаряжением двинулась в путь. Изучая маршрут по карте, мы предполагали, что самые трудные километры будут в первую ночь между реками Зельвянка, а вторую не помню, всего примерно 25 км. Характерно то, что местность покрыта мелким редким кустарником, что эти трудные километры необходимо было пройти за ночь, а в конце мая ночи короткие. Мы учитывали и другие обстоятельства, которые усложняли наши действия.

За рекой Зельвянка начиналась Белостокская область, территория которой присоединялась в административном порядке к Восточной Пруссии, и все порядки на её территории распространялись – те, какие были установлены в самой Германии.

Границу между Польшей и Белостокской областью охраняли местные охранные войска. На петлицах военного мундира они носили эмблему дубового листа, поэтому их окрестили «дубовиками».

С наступлением темноты мы благополучно переправились через реку Зельвянку и по избранному азимуту двигались в направлении брода через вторую речку. Впереди в зоне видимости шли в дозоре проводники-партизаны.

До второй речки оставалось всего километров пять, мы сели передохнуть, после прошли ещё с полкилометра, вдруг впереди взвилась ракета и началась стрельба. Мы залегли и дали ответный огонь с автоматов, бросили несколько гранат. Бой был скоротечен. Мне доложили, что проводники-партизаны убиты. Я дал команду принять влево и двигаться по маршруту. Выйдя из-под обстрела, мы собрались для проверки, все ли на месте. При проверке оказалось, что с нами нет Тиссовского. Наступал рассвет, поднялся лай собак на хуторах, задерживаться нельзя было, к тому же все уверяли, что при стрельбе видели Тиссовского, поэтому предполагали, что

он просто отбилсЯ от группы, что маршрут он знает хорошо и пойдёт по направлению брода на реке, к которому и мы должны выйти. И мы двинулись дальше, обстрела уже не было.

Я предполагал, что теперь может появиться засада на реке, немцы и полицаи, видимо, догадывались, куда мы идём.

Подойдя ближе к реке, я послал разведку к броду. Разведка вернулась и доложила, что в районе брода вроде бы всё спокойно, ничего подозрительного замечено не было. Река окуталась туманом. Мы крадучись, перебежками подошли к реке, на одну-две минуты задержались, наблюдая по сторонам, и противоположным берегом быстро форсировали вброд речку.

За рекой был настоящий лес, в который мы и стремились попасть. Для нас лес – это родной дом. Углубились в лес километра на два, остановились на дневку где-то недалеко от хутора Лида.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

За всё это время Тиссовского мы не встретили, и поиски его здесь, за рекой, положительных результатов не дали. Примерно часов в десять утра в районе брода, где мы совершили переправу, слышна была стрельба, потом прекратилась. Видимо, немцы шли по нашим следам. Мы были готовы встретить их огнём, место для обороны было подобрано хорошее. Но, как часто бывало, в большой лес немцы идти не осмеливались. Скорее всего, их было не так уж и много.

День прошёл спокойно. Киму я дал радиogramму, что держал бой, что проводники погибли, что Тиссовский пропал без вести.

На второй день от Кима я получил радиogramму, в которой он сообщил: «Вы ошиблись, на поле боя осталось не два, а три наших товарища. На месте не был, окружено».

Мне и другим товарищам из группы не верилось, что Тиссовский погиб. Даже при составлении отчёта после выхода из тыла я везде указывал, что Тиссовский пропал без вести. На самом деле он погиб в период первого обстрела.

Иван (Иоанн) Бертольдovich Франкль погиб, так и не зная, что за день до этого Указом Президиума Верховного Совета СССР он получил советское гражданство и награждён орденом Отечественной войны.

На всём пути следования нас преследовали охранные войска. Только один хвост отстанет — другой привяжется. Местность, по которой мы шли, больших селений не имела, а в основном покрыта хуторной системой. Стоит появиться на хуторе, как сразу же раздаются сигналы колоколом, в рельс и другими средствами. Это значит, что на хуторе появился чужой.

Проживали на этих хуторах мазуры, которые с посторонними людьми в контакт вступали неохотно.

Мазуры – небольшая этническая группа поляков, название получила, вероятно, от Мазурских озёр. Исповедовали религию протестантскую. Занимались прикладным искусством – резьбой по дереву и промыслом.

Мазуры чем-то напоминали наших сибирских кержаков.

Засада, на которую мы попали, оказалась неразгаданной загадкой для меня и Ким ничего не прояснил.

В пути нам повстречались четыре десантника, которые были ранее заброшены от НКВД для работы в тылу. Десантирование было неудачным, и они отбились от основной группы.

Среди них оказался капитан Войцеховский, других по фамилии не помню, знаю только, что среди этой группы был работник ЦК ВЛКСМ Белоруссии.

Все эти четыре товарища были вооружены автоматами и другим снаряжением.

Капитан Войцеховский попросил меня взять их в свою группу. Мы посоветовались у себя, и я дал согласие на присоединение с условием, что окончательное решение будет принято позже (я имел в виду прибытие Кима).

В 1944 г. я был в воинском звании капитана, но для выполнения данного задания документ имел на звание майора.

Следуя с группой, по возможности я поддерживал связь с Кимом. Прибыв на установленное место в район Осовецких болот, примерно в трёх километрах от границы Восточной Пруссии, крепости Осовец, изучив обстановку, я послал Киму радиogramму, что прибыл на место, и указал основные ориентиры для следования к нам.

От Кима получил радиogramму примерно следующего содержания: «Выход задерживается, немцы блокировали лес, где находится центр».

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

Буквально через несколько дней получаю радиogramму, в которой Ким сообщает, что он ранен в ногу, ранен и ординарец «Кедр», что он ждёт самолёт для вылета на Большую землю и предлагает мне принять руководство оперативным центром и действовать по своему опыту. Эта была последняя радиogramма Кима, переданная радисткой Кларой Давидюк (Смирновой).

Значительно позже, т. е. после выхода из тыла, мне стали известны подробности гибели Кима.

При Киме находилось в то время семь человек. Ким и «Кедр» ранены, их несут на руках, преследователи сжимают кольцо блокады.

В течение шести дней небольшой отряд из семи человек отбивался от карателей. Но на этот раз служба СД, стремясь отыграться за все провалы, держит разведчиков мёртвой хваткой, круг замыкается.

Ким, «Кедр» и Смирная погибают, вместе с ними погибают и многие из карателей.

После освобождения слонимщины тела Кузьмы Савельевича Гнедаша (Кима), Клары Давидюк (Смирной) и других товарищей перезахоронены в городе Слониме. Про Клару Давидюк заснят короткометражный фильм. В 1987 г. состоялась встреча ветеранов радистов-партизан в городе Слониме Гродненской области, посвященная памяти радистки-партизанки Клары Давидюк, уроженки Москвы.

Борис Гусев написал повесть «За три часа до рассвета», посвященную К.С. Гнедашу и К. Давидюк.

Главная редакция Белорусской советской энциклопедии в 1977 г. издала книгу «Навечно в сердце народном» о героях Советского Союза – уроженцах Белоруссии и представителей других народов, получивших это высокое звание за освобождение Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Вот

что сказано в ней о Гнедаше К.С: Гнедаш Кузьма Савельевич, Герой Советского Союза (24.03.45 г.), родился 17.11.1914 г. в с. Сологубовка Роменского района Сумской области. Из крестьян, украинец, член КПСС с 1939 г. Окончил Киевское военное училище (1940 г.). В Красной армии с 1936 г. На фронте с июня 1941 г. Командир оперативно-диверсионного центра Разведотдела штаба 1-го Белорусского фронта.

Капитан К.С. Гнедаш отличился в тылу врага на территории Белоруссии в конце 1943–1944 гг. Группы под его командованием вели разведку, диверсионную работу в районе Слуцка, Осиповичей, Барановичей, Кобрина, Слонима, Пинска, Бреста, на территории Киевской и Черниговской областей. Пустили под откос 21 эшелон с живой силой и боевой техникой противника, потопили 10 пароходов и 14 барж, подорвали железнодорожный мост через Днепр возле Киева, собирали и передавали командованию Красной армии сведения о системе обороны, численности войск, железных дорогах и автомобильных перевозках врага, что способствовало успешному форсированию Десны и Днепра, проведению Белорусской операции. 19.06.44 г. часть группы разведчиков была окружена в лесу возле Слонима карательным отрядом. Чтобы не попасть в плен, тяжелораненный К.С. Гнедаш подорвал себя гранатой.

Похоронен в городе Слониме Гродненской области, где его именем названа улица, установлен памятник герою. На родине в селе Сологубовка установлены памятник и мемориальные доски на доме, где жил, и школе, где учился, создан музей Героя.

После того как оборвалась связь с Кимом, я вышел на прямую связь с «хозяином», с которым и поддерживал ее до конца выполнения задания.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

Вели разведку мы главным образом за сооружением оборонительного вала на границе Восточной Пруссии по реке Бобр, а также установили систематическое наблюдение за движением по шоссе Гродно—Белосток и далее в сторону Варшавы.

Все собранные сведения передавали на Большую землю. По переданным сведениям наша авиация неоднократно бомбила крепость Осовец, Белосток, оборонительные сооружения по реке Бобр, уничтожала и расстраивала передвижение войск по шоссе дорогам.

В период Белорусской наступательной операции наших войск, вошедшей в историю войны под названием «Багратион», в тылу начали появляться дезертиры немецкой армии. Некоторых дезертиров удавалось вылавливать, допрашивать, а они располагали большой и ценной информацией о состоянии немецкой армии, они знали номера воинских частей, что для нас было очень важным. Все эти сведения передавались нашему командованию.

Немцы догадывались, что за всеми их процессами кто-то следит, пытались устраивать помехи для работы радиостанции, но это практически нас не остановило, так как мы часто меняли место для передачи сведений.

Находясь в районе Осовецких болот, мы заметили, что кроме нас кто-то ещё промышляет. Это можно было заметить по свежим следам, что могло грозить большими осложнениями.

От шоссе Белосток—Остроленко в сторону болот когда-то кем-то была проложена мощёная гребля, но она настолько пришла в негодность, что ею практически не пользовались, однако на расстоянии от шоссе на гребле, километрах в двух, были два или три дома. Эти дома мы обследовали и обнаружили две польские семьи.

У старика нам с трудом удалось выяснить, кто может быть на этих болотах, он долго не признавался, говорил всякую

ерунду, пришлось его припугнуть, и наконец старик заявил, что здесь находится польский партизанский отряд.

Остаться в неведении дальше мы не могли, и я попросил старика передать командиру отряда, что я хотел бы с ним встретиться.

Здесь же я назначил день, час и место встречи. В назначенное время встреча состоялась. На встречу я взял двух товарищей — капитана Войцеховского и Леонида.

С польской стороны прибыло значительно больше, чем нас, и, как мы заметили, все они были настроже.

Старший из польской стороны при рукопожатии заявил, что он капитан Бжозда, инспектор над пятью отделами (отрядами), выполняет указания и распоряжения Лондонского правительства, и далее спросил, не помешает ли это нам.

Я ответил, что нет, не помешает, что у нас сейчас одна задача — бороться с немцами, изгнать их из Советской и Польской земель. Капитан Бжозда на это поддакнул. Видимо, ответ ему понравился.

Дальше мы приступили к переговорам, в ходе которых нам удалось получить большую информацию о данном районе, поведении немцев и местного населения. Бжозда по наружности особого впечатления не произвёл: небольшого роста, рыжеват. С ним мы договорились далее встречаться.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

Капитан заверил, что он во всём окажет нам содействие, даже в заготовке питания для группы.

На этом, пожалуй, и закончился разговор при первой встрече. Теперь мы знали, кто и на каком острове находится.

Чем они занимались в прошлые годы, нам за короткое время полностью установить не удалось, но одно известно, что в прошлом большинство из них – офицеры Польской армии, которые остались недовольны присоединением к Советскому Союзу Западной Белоруссии и Украины и ушли в лес. Действовали по принципу махновцев. Известно и то, что они недоброжелательно относились к нашим оперативным группам (об этом мне было известно ещё на Большой земле от попадавших в эти и ближайшие районы).

Наше положение облегчалось тем, что части Красной армии развернули ширококомасштабные наступательные действия по освобождению Белоруссии с выходом к западной границе, и они на всякий случай стремились занять хотя бы какую-то поддержку в том, что они «настоящие партизаны».

В последнее время они располагали радиостанцией и поддерживали регулярную связь с эмигрантским правительством Миколайчика (которого не поддерживали мы).

Позже, когда мы совместно провели несколько операций против немцев,двигающихся по шоссеиной дороге Белосток–Остроленко, они начали интересоваться, что с ними будет, когда придёт Красная армия.

На это я давал один ответ, что им будет предоставлена возможность выбора, чем заняться: одни вступят в ряды Польской армии, которая вместе с Красной армией освободит Польшу и погонит немцев дальше к Берлину; другие останутся работать в народном хозяйстве по восстановлению

разрушенных городов и сёл, одним словом, всем найдётся место и работа.

Они очень внимательно выслушивали, а через некоторое время опять затевали разговор на эту тему, видимо, чувствовали за собой грешок.

Что я могу ещё сказать о них? Действительно, в этой местности они были своими и нам во многом помогли, особенно при заготовке питания для группы. Жили они, конечно, по-барски, спали на перинах. После соединения с частями Красной армии ими специально занимались наши службы. В своей деятельности они поддерживали тесный контакт с армией Крайовой.

За время действия в этих районах мы занимались не только разведкой, но и при возможности проводили активные действия. Так, путём минирования дорог было уничтожено три немецких танка, 17 автомашин с живой силой и имуществом, конный обоз в составе 12 повозок. Было уничтожено свыше 40 чел. немецких солдат и офицеров.

И у нас были потери. В одном из боёв был убит представитель ЦК ВЛКСМ Белоруссии и Михаил смертельно ранен.

Мне трудно кого-либо выделить, кто и как действовал. Одно могу сказать: и Леонид, и Миша, и Михаил, и Толя действовали самоотверженно, с высоким чувством патриотизма, умением и находчивостью, оказывая помощь и взаимную выручку товарищам.

Это же я могу сказать и в адрес капитана Войцеховского и его товарищей по группе.

Радист Пётр Есаков всегда обеспечивал бесперебойную связь с Кимом и «хозяином».

Соединившись с нашими наступающими войсками, командиру дивизии я доложил о системе немецкой обороны по реке

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

Бобр, где предстояло его соединению наступать, он был очень доволен такой информацией, так как она позволяла сделать правильную расстановку своих сил на наступление.

Доложил я также и о польских партизанах капитана Бжозды и всё то, что о них знал. Узнав в штабе армии от командира дивизии о нашем нахождении и какими сведениями мы располагаем, последовала команда срочно нас доставить в штаб армии.

В штабе армии мы задержались два или три дня. За это время многие командиры штаба интересовались нашими сведениями, в первую очередь, конечно, зам. начальника штаба по разведке. Здесь же большой интерес проявили к польскому партизанскому отряду.

После пребывания в штабе армии капитан Войцеховекий со своими людьми остался для установления связи со своим командованием войск НКВД, а нам был предоставлен транспорт, на котором мы прибыли в город Брест.

За время пребывания в Бресте с нами встречался представитель разведотдела 1-го Белорусского фронта – полковник Смирнов и подполковник Михаил Михайлович (фамилию не помню).

В течение нескольких дней я составлял письменный отчёт. Здесь я узнал подробности гибели Гнедаша Кузьмы Савельевича, радистки Клары Давидюк и дальнейшую судьбу оставшихся при центре после нашего ухода.

Наступили дни отдыха.

Михаил Михайлович часто нас посещал, интересовался, как мы отдыхаем, чем занимаемся. Так произошло и на этот раз. При появлении Михаила Михайловича завязался разговор, главным образом, о положении на фронтах, но тут же Михаил Михайлович повернул разговор в другом направлении и заявил, что вчера был доставлен в разведотдел один

человек, который вышел из тыла и утверждает, что он следовал вместе с Кимом и Тиссовским и другими, но при переходе линии фронта наступающие части Красной армии своим огнём группу рассеяли, но ему удалось прорваться и перейти линию фронта, и далее утверждал, что со дня на день должны появиться и остальные во главе с Кимом. Себя представил как разведчика Генштаба, ранее выброшенного для разведки в тылу врага, назвав свою фамилию и кличку. Михаил Михайлович сказал, что запрашивали Разведуправление Генштаба, где получили подтверждение, что действительно в 1943 г. под такой фамилией и кличкой забрасывался в тыл врага человек, но от него давно уже нет никаких сведений. Причём Михаил Михайлович сообщил, что вышедший, видимо, хорошо осведомлён о Киме и Тиссовском. Правильно рисует их наружность, повадки, вплоть до подчерка.

Нас, конечно, такое сообщение удивило, и мы категорически заявили, что этот человек не тот, за которого себя выдаёт.

В действительности же он оказался провокатором. Шли дни отдыха. Мишу и Толю перевели в другую часть, радиста Есакова Петра демобилизовали как непригодного для дальнейшей службы по состоянию здоровья. Остались мы вдвоём со старшиной Леонидом.

Войска 1-го Белорусского фронта успешно продвигались по территории Польши.

В это время эмигрантское правительство Миколайчика решило поднять в Варшаве восстание, надеясь, что Красная армия успешно продвигается и поднятое восстание будет иметь успех. Восстанием руководил генерал Бур-Комаровский. О предстоящем восстании польская сторона не поставила в известность наше командование, таким образом наше командование узнало о восстании от местных жителей, вышедших из Варшавы.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ВОВ

Красная армия подошла к Висле, освободила Прагу, предместье Варшавы, что на восточном берегу, и остановилась. Причин здесь было много, их хорошо изложил маршал Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления».

Поднятое восстание в Варшаве из-за несогласованности с нашим командованием, недостаточного вооружения и других причин дальнейшего развития не получило, хотя наше командование вынуждено было по своей инициативе по воздуху оказывать помощь оружием, продовольствием, боеприпасами. Часть выбрасываемого не доставалась восставшим силам.

В такой сложной обстановке командованием фронта было принято решение попытаться установить связь с восставшими, забросив туда небольшую оперативную группу с рацией. Разведотделу было поручено подобрать людей во главе с офицером.

Насколько мне известно, на роль старшего группы было две кандидатуры – капитана Колосова и моя.

Полетел к восставшим капитан Колосов.

Восстание в Варшаве немцами было жестоко подавлено. Капитану Колосову удалось выбраться к Висле по подземным городским коммуникациям и переправиться через реку к своим.

Об этом мне рассказали уже значительно позже в городе Мендзижеце (Польша).

В этом городе решался и мой служебный вопрос.

Представители разведотдела фронта предлагали мне уехать на учёбу и учиться по-настоящему профессии разведчика, но я почему-то отказался. Были и другие предложения, связанные с разведкой, но необходимо было отказаться от своего рода и имени, на это я тоже согласия не дал. Чем можно

Н.А. Майдан

объяснить мое несогласие с предложенными вариантами, я и сейчас затрудняюсь объяснить.

Я изъявил желание направиться в действующую армию, где и закончил войну на штабных должностях.

Заканчивая свой рассказ, хочу сослаться на слова поэта:

*Почестей мы не искали,
Не ждал награду за дела,
Нам гордая слава России
Солдатской наградой была.
Ценой слёз и материнской ласки
Война была оплачена сполна,
Мы память павших чтим и не позволим,
Чтоб разразилась новая война.*

После окончания войны до 1950 г. продолжал служить в группе Советских войск в Германии в системе Советской военной администрации.

Уволился из кадров Советской армии по выслуге лет и состоянию здоровья в 1970 г.

г. Новосибирск
1988 г.

Николай Майдан

Майдан Николай Аврамович

**ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В авторской редакции

Выпускающий редактор *И.П. Брованова*

Корректор *Л.Н. Киншт*

Дизайн обложки и компьютерная верстка *А. В. Ладыжская*

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции

Издание соответствует коду 95 3000 ОК 005-93 (ОКП)

Подписано в печать 25.11.2014. Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная.

Тираж 50 экз. Уч.-изд. л. 3,72. Печ. л. 4,0. Изд. № 68. Заказ № 1362

Цена договорная

Отпечатано в типографии

Новосибирского государственного технического университета

630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20

Николай Аврамович Майдан

1920 года рождения. Полковник.

С 1941 по 1945 г. воевал на Западном, Центральном, 1-м Белорусском фронтах.

Находился в распоряжении Главного разведывательного управления Генштаба по выполнению специальных заданий в тылу противника.

В НГТУ работал с 1970 по 1980 г.